

Легенды моего народа.

(урок по литературному краеведению, 9 класс)

Цели урока:

- проверить знание текстов прозаических произведений, изучаемых в данном курсе;
- расширить литературный кругозор учащихся;
- через знакомство с легендами ненецкого народа знакомить с историей, культурой миропониманием жителей Печорского края;
- развивать речь учащихся посредством пересказа художественного текста.

Оборудование урока:

- выставка книг на данную тематику;
- выставка рисунков учащихся по произведениям ненецких поэтов и писателей;
- национальные странички газеты «Нярьяна-Вындер».

План урока.

I. Вступительное слово учителя.

На протяжении тысячелетий устное поэтическое творчество народностей Севера занимало главенствующее место в их духовной и эстетической жизни. В нем сосредоточена память рода, племени и, в конечном счете, всего народа. В эпосе высказан в художественной форме главный завет предков, посылаемый потомкам: как жить, как искать счастье в жизни, как добрососедствовать с людьми и природой, откуда мы сами пошли, где наши корни, во что мы верим и чему поклоняемся.

Свою лепту в сохранение и передачу новым поколениям опыта предков, самобытной культуры, исторического прошлого и духовных ценностей народа внесли национальные поэты и писатели. Именно такими являются В. Ледков, П. Пунух, Г. Суфтин, которые в рассказах и повестях пересказали многие легенды своего народа. Мы сегодня познакомимся с некоторыми из них, а также с другими мифами и сказаниями, бытовавшими на нашем Севере.

II. Учащиеся пересказывают легенды с указанием источников их прочтения.

III. Беседа с учащимися по вопросам:

1. Интересно ли вам было познакомиться с легендами и преданиями?
2. Как вы считаете, для чего нужно знать свое прошлое, обычаи, традиции, мифы своего народа?
3. Слышали ли вы когда-нибудь в своей семье, в поселке, в тундре рассказы о том, как жил наш северный народ раньше, какие легенды пришли к вам от пожилых людей?
4. Что вы знаете о происхождении своих имен и фамилий?.

IV. Обобщение учителя:

Итак, мы с вами окунулись в далекое-далекое прошлое жителей наших северных тундр, которое бережно донесли до нас наши предки и с особой любовью пересказали писатели. Стало закономерным появление авторских переложений, реконструкций сказаний и легенд, поэтому их мы находим в стихах ненецких поэтов, в их прозе, и в газете «Нярьяне Вындер». Так что связь литературы с фольклором с годами лишь укрепляется и приобретает другие формы.

Я хочу пожелать и вам не терять интерес к историческому прошлому своего края. Храните и впитывайте мудрость прошедших поколений.

V. Домашнее задание: нарисовать иллюстрацию к одной из легенд.

Как появилась фамилия «Ледков»

(пересказал легенду В.Ледков в повести «Синева в аркане»)

Было это давно... наверное, не помнят этого и прадеды наши. Но было. Люди так сказывают, а я от отца слышал. Есть в тундре острологовая сопка. Это – гора Крутая. Там целая гряда сопки обнимает залив. На берегу залива стояло когда – то 300 чумов моих предков. Место это называлось Паханзедами, что в переводе на русский значит «Сопки у залива». По названию места соседние племена стали называть Паханзедами и людей, живущих здесь.

Мужчины ходили на охоту: в море – на непру и зайца, в тундру – на дикого оленя и песца. Дружно жили. Богатую добычу делили между собой поровну. Росли семьи, людей на стойбище прибавлялось.

Паханзеды были сильными, рослыми. Много раз слышали сопки веселые и шумные свадьбы. Золотое было время...

Но с некоторых пор в стойбище стало твориться что-то непонятное: людей стало умирать больше, чем рождалось. Начались болезни, стали появляться уроды, пошли хромые, слабоумные. Это встревожило Паханзедов. И однажды, с прилетом первых лебедей, собрались на лужайке все мужчины и женщины.

- Гольца, семги, нельмы и омуля полны наши реки, - говорили они, - в море много морского зверя, тундра тесна от птицы, дикого оленя и песца. Но что случилось с людьми? Было у нас больше тысячи чумов, но уже половина их упала вместе с теми, кто под землю ушел. Если дальше так пойдет, не останется в живых и беспризорной собаки. Надо найти зло, надо спасти род Паханзедов.

Поднялся тогда рослый, с блеклыми, как осенняя трава, волосами старейшина и такую речь повел:

- Я 10 раз по 10 раз и ещё 7 зим хожу по этой земле, но кости мои ещё не съела плесень. А теперь пошли люди – от кашля задыхаются. Ткни такого пальцем – ноги протянет.

Старик помял свою жидкую бороденку, окинул взглядом сидящих:

- Давно у меня сердце болит. Не от того, что я стар и пришло время под землю отправляться. Нет! Мне больно на наш паханзедский род смотреть. Хиреет он, вымирает. Какой несчастный дух напал на него? – Глаза у сидящих забегали, плечи упали, шеи вытянулись.

- Нет, не злой дух тут виноват, - продолжал старейшина. – В другом надо искать корни... Я пережил почти два поколения людей и кое – что видел. Рождение каждого нового поколения – праздник для меня. Но все – таки умирает людей все больше и больше. Беда! А дети? Возьмите правнуков моих. У Митьки на ноге нет сустава, Хасавако родился без глаз... . Здоровыми и ладными растут дети у Ядны и Ябтане. А они на другой земле разве живут? Я вот что скажу. Отец и мать у Микиты- люди одной крови. Даже прабабушка у них одна. Ядне и Ябтане – дети разных людей. У них кровь новая, и потому они здоровы. Так в чем наша беда? Кровь наша стала одной. В ней все зло. От нее идут болезни.

Вот так и покинул род Паханзеды сопки у залива. А место это до сих пор называют Паханзедами.

По всей тундре разбрелся род. Те, кто ушли за Енисей, Таймыр, Росляковыми стали; те, кто перевалил за Уральские горы и поселился в низовьях Оби, сохранили фамилию в память о своей земле, а остальные откочевали в долину, что в глубине Большеземельской тундры. А долина или низина по – ненецки – «лёд», маленькая – «лэдко». С приходом в тундру русских и появилось слово – Ледков.

И стали звать их Пырерками.

(пересказал В. Ледков в повести «Розовое утро»)

Слово – Песня по ветру летело. У Ивняковой речки за чум зацепилось. Зацепилось за кончик шеста и через макодан в чум опустилось: в чуме старик и старуха. Двое жили. Детей у них, видимо, не было – нет о них речи. Давным-давно это было. Другие люди жили. Нас тогда и на свете не было. Но души наши были. Душа, она не умирает. Она через много-много лет в другого человека вселяется.

На берегу большого, как небо, озера жили в одиноком чуме старик и старуха. Были ли у них олени – нет слова. Птицы, конечно, полно было в тундре. Зверя всякого! О них тоже ни слова. Но в большом, как небо, озере, возле которого стоял чум старика и старухи, жили только две рыбы:

Щука и Хариус. Дружно жили рыбы. Еды хватало. В воде много трав озерных, ракушек полно, жучков, червячков – все рыбе еда, но Щуке захотелось чего-то сытного, вкусного. Долго она думала, чего ей хочется, но в гневе на свою безмозглость хватанула зубастой пастью Хариуса и съела. Старик и старуха поймали неводом рыбу Щуку и съели её. С тех пор и стали звать их Пырерками – полущуками. Пошли дети. Тоже Пырерки.

- Вот потому мы и не едим Щуку: от неё пошел род Пырерка, - закончила свою сказку бабушка.

След голубого песка.

(Пересказал Г. Суфтин в пов. «След голубого песка»).

Давно это было. Ой, давно. Жил в ту пору на свете Весакостарик, белоголовый, будто зимняя куропатка, непоседливый, как горноста́й, и добрый-предобрый, как важенька, которую детишки кормят из рук утром и вечером. Пас Весако стада богатого оленщика на Большой Земле. Не было у Весако своих оленей, но была беспокойная голова, были крепкие руки и быстрые ноги. И все хотелось узнать Весако, где запрятано в тундре его счастье, за какой сопкой, у какой реки, в какой стороне. Ведь есть же оно на свете, говорят люди, но скрывается где-то...

В глухую зимнюю ночь пришел Весако к священной сопке. Семиголовой та сопка зовется, семь острых вершин поднимает она к облакам. А вокруг её подножья стоят деревянные божки, лоскутками украшены, оленьей кровью вымазаны. У каждого кочевника свой божок. Охотник идет, пастух идет, перед сопкой каждый остановится, своего божка поставит, красную тряпицу на ней повесит, чтобы весел был, мясом угостит, чтобы сыт был, кровью губы вымажет, чтобы пьян был. Слово ему просительное скажет. Вот и Весако – старик, кружась по тундре, оказался у Семиголовой сопки. Вынул он из-за пазухи маленького божка, положил перед ним кусок оленины, сорвал с рукава малицы суконный галун, нацепил божку на шею. Сел на снег и стал говорить просительное слово:

- Ты, божок, хоть и щелявый, рухлый, ветром источен, пургами иссечен, а все-таки в тебе сидит тадебций, дух тундры. И я тебя потому хорошо угощая, цветисто украшаю, чтобы ты у главного бога-Нума узнал, где счастье найти. Спроси-ка Нума да скажи мне, в которую сторону надо ехать, в каком месте наст разрывать...

Ждёт Весако, ждет, а божок молчит. Только метель вокруг сопки пляшет, в вершине ветер завывает. День ночью сменился, а Весако сидит и молит. Луна выглянула из-за сопки-сидит Весако. Уж снегом упорного старика занесло до половины, он не отступает, шепчет просительное слово. Сил не стало сидеть, лег и глаза закрыл, а шептать все не перестает. И слышит: зашевелилась Семиголовая сопка. Распахнулся снег на её склоне, как полог у чума. Вышла оттуда косматая старуха в ледяной панице, с глазами, как раскаленные угли. Несет старуха на ледяной ладони каменный хлеб и говорит скрипучим голосом:

- Вот тебе, Весако, хлеб на дорогу. Иди в ту сторону, откуда поднимается солнце. Ищи на снегу песцовый след. Догоняй голубого песка, у которого уши и лапки из серебра, хвост из северного сияния, шерсть из лунного света, глаза похожи на звезды, что сияют над головой. Поймаешь этого голубого песка – вот тебе и счастье твое.

Пошел Весако в путь-дорогу. Нашел на снегу песцовый след и отправился по небу. Семь лун взошло, он все идет. Попробует каменного хлеба, а откусить не может, из-под зубов искры сыплются. Опять идет Весако и опять пробует грызть каменный хлеб. Осень сменяется зимой, после весны наступает лето, а Весако не может отгрызть хотя бы маленького кусочка. А песцовый след все петляет и петляет. То по за сопке кружит, то по речному берегу тянется, то на горные увалы поднимается, то в лабту опустится.... Не может догнать Весако голубого песка. Год за годом проходит, уж половину зубов выломал старик, а заветный песец не дается в руки. Вот-вот, кажется, за тем бугром притаился голубой песец и от его хвоста сполохи по небу пошли, а от спины его разливается по снегу лунный свет. Схвати, Весако, песка, не зевай, и будешь счастлив! Да какхватишь? Нападают на Весако лихие люди. Стрелы, как дождь, сыплются на него, но отскакивают от каменного хлеба, не принося вреда. Реки выходят из берегов, хотят утопить старика. А он с каменным хлебом в руках переходит через их бурлящие воды. Горы грозятся задавить старого ненца, а он и их одолевает, так уж хочет счастья себе, старухе, детям и внучатам.... И все равно песец не дается в руки. Да уж и есть ли он на свете, кто его знает...

Декабрь – месяц большой темноты.

Пересказала И. Ханзерова в рубрике «Ненецкий календарь»
(г. «Нярьяна Вындер» № 187 от 10.12.2002).

Нарка пэвдя ирий – месяц большой темноты – самое темное время года. В ненецком эпосе так говорится об этом тревожном времени: «Большая ночь опустилась на землю, только на короткий миг богу света НУМУ удастся отвоевать свет для людей. НА – хозяин подземного мира, объявляет себя владычиной Земли. Луна – солнце НА, ночь – его день, звезды – его глаза, тишина ночи – его немая песня. В месяц большой темноты, люди, держитесь вместе, помогайте друг другу! Прекратите все распри свои в месяц Большой темноты».

Символом полярной ночи в северных широтах считается Полярная Звезда – «нерм нумгы», «звезда голубого огня», как ее называют ненцы.

Посмотри, зачерпни рукой...
Перекинулся Млечный Путь
Над могучей звездной рекой.
А звезда Голубого Огня,
Точно рыба в темной волне,
Точно чей-то смех в тишине
Или в стужу тепло окна.
Точно брызнуло в синий лед
Золотой пещи острие.
В Нарка пэвдей ирий
Мой народ сотни лет боялся ее.
Все сильнее сгущалась тьма,
Причитали старухи: Грех,
В тундре властвует страшный НА,
А в глазах его синий гнев.

В. Ледков.

Долгими вечерами у горячего очага хозяева чума рассказывают друг другу длинные ненецкие легенды, поют старинные эпические песни, слушать которые можно до бесконечности.

Есть среди них и традиционная сказка о белом медведе – СЭР ВАРКЕ, которого самодийские народы считают традиционным символом декабря.

«В месяц большого мрака хозяин подземного царства НА стирает священную грань между Землей и небом. Люди, окруженные тьмой полярной ночи, не раз перешагивали невидимую грань между небом и землей и терялись, так и не найдя дороги назад. Посмотрите вверх, над вашими головами столько звезд, что сосчитать их не хватит человеческой жизни, да что там одной жизни... жизни детей ваших и внуков не хватит, чтобы пересчитать все НУМГЫ' на небе. Подумайте, откуда взялись эти звезды? Старые люди говорят, что все звезды когда-то были людьми. По неосторожности своей перешагнули они через священную грань и заблудились там, во мраке полярной ночи навсегда. Так было много сотен лет подряд, пока НУМ не сжалился над людьми и не поставил на границе между небом и землей своего часового-белого медведя. Всю долгую полярную ночь, пока первые лучи солнца не пробьют ее черное покрывало, СЭР ВАРК будет оберегать нас с вами от потерь. И только весной, когда день становится белым, как шкура белого медведя, СЭР ВАРК покидает свой пост, ведь люди при свете дня уже четко различают черту священной грани и, значит, уже не заблудятся».

Гора Лохолянг, где ненцы похоронили войну.
(пересказал В.Ледков в повести «Синева в аркане»)

Лохолянг – это угловатая сопка. Не священная гора, но на ней похоронена ненцами война.

А было так.

Жил когда-то, примерно 300 лет назад, человек по имени Вай – «злой». Он каждый год собирал огромное войско и налетал по первому снегу на землю ненцев. Страшные были войны. И вот в один из таких набегов на холме Хальмер Хабереэ, где два года назад была битва, Вай заметил чум. Войско Вая на этот раз шло на Пустозерск, а чум стоял в стороне от дороги. Не гнать же к одинокому чуму войско, если там одному воину нечего делать. И Вай решил расправиться с чумом сам. Он взял лук, встал на меховые лыжи и, ничего не сказав воинам, пошел к холму. Там он, не доходя шагов ста до чума, сел на сугроб и крикнул:

- Эй! Хозяин! Срок твой настал! В чуме ли ты своем решил умереть или погибнуть, как настоящий человек, в бою?

Хозяин чума, уехавший еще утром проверять капканы, конечно, его не слышал, и туговатая на ухо его жена, увлеченная шитьем, тоже ничего не слышала. Только единственный в семье семилетний сын, игравший около матери в куклы, выхватил мастеровой топор отца и залез на два поперечных шеста внутри чума. Мальчик уселся с поднятым топором – распахнулась дверь... И улыбающаяся голова покатила по латам к ногам матери, а тело двухметрового великана рухнуло в дверях.

Войско, перепуганное таинственным исчезновением вождя, повернуло обратно и разбежалось, а ненцы похоронили Вая на горе Лохолянг.

С тех пор тундра не знает войн. А на горе Лохолянг и сейчас есть четырехугольная неглубокая в два метра земляная яма. Говорят, земля осела над гробом Вая.

Стрела восстания.

(пересказал Пэля Пунух в повести «Стрела восстания»).

Старый Сундей перед смертью передал своему сыну Ичберею родовое наследство – стрелу – и рассказал связанную с ней историю. Отец вытащил стрелу из-за голяшки. Взял Ичберей стрелу и видит: не простая стрела!

- Семь аа вырезано на стреле. Семь аа будут мучить того, кто клятву нарушит. Клади стрелу под левую ногу и повторяй клятву. Повторяй слово в слово.

Сиу аа (семь дьяволов)! Семь ведьм, семь дьяволов, все тадебции (злые духи)... семью ядовитыми стрелами прострелите сердце моё... каленым железом прожгите в теле моём семь дыр... на семь кусков разорвите язык мой... в каждый глаз мой воткните по семь ножей...

Оба – отец и сын – обессилили к концу клятвы. Клятва страшная, неслыханная клятва.

- Теперь ты будешь носить эту стрелу, - продолжил Сундей. – До этого больше семи десятков годов носил ее я. Храни ее! Береги пуще глаза своего! Никому не кажи... Покажешь – много бед примешь! Особенно крепко хорони ее от воевод русаков да от их приспешников. Увидят они у тебя эту стрелу – живым тебе не бывать. Они слыхали про нее. Слыхали, что это особая стрела. Стрела войны. Стрела восстания нашего народа против воевод. Клятва на этой стреле может объединить все семь наших ненецких народов. Тогда поднимутся все тундры, как один человек! И тогда мы прогоним из тундры воевод и не станем платить ясака царю. Больше семи десятков годов носил я стрелу восстания, а показать ее никому нельзя было. Воеводы умеют наши роды один на другой науськивать. Не показывал ее никому потому, что каждый ненецкий род своей тропой идет. Семь родов – семь троп. И все семь вразброд. Покажи стрелу – на себя вражду накличешь, другие роды под беду подведешь. До того, как все семь троп в одну не станут сливаться, нельзя показывать стрелу. Верю, что ты доживешь до тех хороших дней, когда все ненецкие роды в одну семью сольются. Узнаешь, что многие-многие семьи ненецкие готовы от ясака отказаться, - тогда стрелу восстания по людям пускай. Ходи от чума к чуму, в каждом чуме на стреле такую же клятву бери.

Парнэ.
(ненецкую сказку пересказал В. Ледков
в повести «Метели ложатся у ног»)

Нина вспомнила сказку, знакомую с детства. Эта сказка жила в каждом чуме.

...Ненцы сожгли на большом костре мать всех чертей – Парнэ. Женщина Парнэ, стгорая, крикнула Солнцу, Луне и Земле:

Я- то стгорю, но мой прах будет преследовать людей и оленей!

Солнце, Луна и Земля не услышали голоса женщины Парнэ. Слышал ее Нна – отец всех болезней: надул огромные щеки и дунул на Землю. Поднялась буря, и прах женщины Парнэ полетел над Землей комарами, мошками, мухами, оводом. С тех пор нет на Земле от них спасения ни оленям, ни людям.

Страшно сделалось Солнцу, когда поднялось оно над Землей и увидело облака нечисти. Ночью, когда вся нечисть уснула, Солнце скатилось с высокого неба к краю Земли и шепнуло ненцу, пасущему стадо:

- Прах женщины Парнэ исчезнет, если ты оторвешь голову комару, мошке, мухе и оводу.

Вот почему и теперь люди кричат, когда комар попадет им в руки:

- Голову оторвать!

Гора Крутая

(пересказал В.Ледков в повести «Синева в аркане»)

Гора Крутая – одна из самых высоких сопок Паханзед. На самой вершине замираешь в изумлении от открывшегося вида.

На берегу маленького озера, глубину которого никто не знает, из-за груды костей смотрит на полдень 200 зеленых деревянных человечков. На полдень же смотрят пустыми ямами глазниц олени черепа. У ног идолов белеют медвежьи зубы и клыки моржей.

- Есть храмы, мечети, синагоги, - объясняет герой своей спутнице Лиде. – Я, сын некрещеного язычника, из любопытства заходил во многие церкви. А это наша церковь. Сюда не положено ходить женщинам. Еще ни одна женская нога сюда не ступала. Ты – первая. Но не бойся. Нас никто не видит, даже эти сядеи. А главный бог ненцев – Солнце – не умеет говорить.

Он берет один из лежащих на земле моржовых клыков и с трудом открывает обросшую сверху травой круглую крышку с голубой, как небо, внутренней стороной.

Чум! – воскликнула Лида.

На белом, словно снег, дне круглой ямы, стены которой голубые, как внутренняя сторона крышки, стоит маленький чум.

- А в чуме... – герой просовывает в него руку и достает оттуда сидящую со скрещенными ногами фигурку человека, отлитую из золота.

- Ненцы тоже поклонялись Желтому Дьяволу, - говорит он и показывает золотого сядея.

Лида вертит сядея в руках, вглядывается в круглое с плоским носом лицо, в раскосые глаза.

- Господи! И бога-то оненечили!

Можно пересказать ненецкие народные сказки **«Почему совы не видят дневного света»** и **«Чайка» (почему чайки плачут).**